

УДК 811.161.1'373.611:81'27

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕ

Т.Н. Попова

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению парадигматических отношений суффиксальных субстантивов в русском диалектном словопроизводстве – внутриспособной (суффиксальной) синонимии. Анализ суффиксально-синонимических параллелей проводится с учетом тенденций исторического словообразования, стилистической и семантической характеристики производных, прослеживается реализация основных словообразовательных значений (*nomina actionis*, *nomina agentis*, *nomina abstracta*). Синонимические параллели анализируются в сопоставлении с данными литературного языка, что позволяет выявить определенные закономерности как деривационного, так и стилистического плана, которые могут быть полезны при решении вопроса о генезисе так называемых «славяно-книжных» формантов.

Ключевые слова: суффиксальная словообразовательная синонимия, диалектное словообразование, словообразовательное значение, функционально-стилистическая характеристика производных.

Субстантивное диалектное словообразование отличается многообразием суффиксальных моделей, примечательно при этом, что имена в говорах рождаются при участии разных по происхождению суффиксов, связанных в истории языка как с народно-речевой, так и славяно-книжной стилистической сферой. Центральное положение в истории словообразования при оформлении основных словообразовательных значений в народно-речевых разновидностях речи занимали суффикс *-ьк(а)* (в значении действия) и *-ьщикъ* (в значении лица), в славяно-книжных стилях, соответственно, – суффиксы *-ни(е)* и *-тель*. В этом отношении особого внимания, на наш взгляд, заслуживают субстантивы, образованные при помощи «славяно-книжных» суффиксов *-ств(о)*, *-ость*, *-стви(е)*, *-(е)ни(е)*, *-тель*, и те парадигматические отношения, в которые они вступают в говорах как между собой, так и с общенародными единицами.

Привлечение диалектного материала обусловлено необходимостью всестороннего анализа словообразовательных процессов и отношений, а также тем, что «явления суффиксальной синонимии в русских говорах совершенно не исследованы, а между тем, русские говоры по сравнению с литературным языком дают гораздо большее количество примеров суффиксальной синонимии» [1, с. 234]. Первой обратилась к рассмотрению данной проблематики М.Ф. Моисеенко, однако ее исследование проводилось на материале русских говоров Казанского Поволжья (одной группы), мы же, говоря о словообразовательной

синонимии, имеем в виду диалектную систему в целом (в отдельно взятом говоре синонимов может и не быть). Анализ материала диалектных словарей и КСРНГ ИЛИ РАН¹ позволил выявить суффиксально-синонимические параллели, хорошо известные системе русского языка с древности, результатом чего, вероятно, служит и их появление в говорах. Наличие обширной словообразовательной синонимии говорит о том, что и на деривационном уровне диалекты являются проводником исторических тенденций общенародного языка. Задача исследования – выявление основных типов синонимии в русских говорах и определение ее сходств и различий с аналогичными процессами литературного языка.

Первый тип выявленной синонимии – осложнение одной производящей основы разными синоморфемами. В истории русского языка к данному типу относится синонимия имен отвлеченного качества с суффиксами *-ость* и *-от(а)* (*тягость* – *тягота*), *-от(а)* и *-ни(а)* (*теснота* – *теснина*), *-ьств(о)* и *-н(е)* (*величество* – *величие*), *-ость* и *-ьств(о)* (*мудрость* – *мудрьство*), *-ость* и *-ни(а)* (*тихость* – *тишина*) и др. [2, с. 86]. В говорах подобные синонимы весьма ярки в плане экспрессивной и семантической нагрузки, ср.: *-ость/-ств(о)*: *злость/злство* (←*злоба*) – ‘злоба, враждебность; недоброжелательность, злость’: *По злости он донес* (Твер.); *Ты на меня злства не держи, я ежели что и говорю, то правильно* (Моск.); *обманность/обманство* (←*обманный* – ‘имеющий привычку обманывать, часто прибегающий к обману, хитрости, лживый, ненадежный, неверный, коварный’) – ‘обман, хитрость, уловка’: *Такая обманность пошла по свету.* (Смол.); *Председатель что сказал, то и сделал, обманства нет с его стороны* (Омск.); *-ость/-ств(о)/-ств(о)*: *домашн-ость(домачн-ость)/дома-ство/домаш-ество* (←*домашний*) – ‘домашнее хозяйство; обиход’ (Дон.). Выявленные субстантивы имеют в большинстве случаев именную соотнесенность, образуясь от общенародных основ, не дающих в литературном языке аналогичных производных. Участвуют в выстраивании таких синонимических рядов и «просторечные» фоноварианты суффиксов (*-сво*, *-енье*, *-нье*, *-ньё*): *знакомленье/знакомсво/знакомье/знакомость* (←*знакомить*) – ‘знакомство’. Можно предположить, что появление последнего звена синонимического ряда (*знакомость*) в южнорусских говорах обусловлено влиянием украинского и белорусского языков (ср. укр. *знайомість*, белорус. *знакомосць*).

Характерной чертой данного типа синонимии в говорах является усечение основы одного из компонентов, ср.: *-от/-ие/-ица/-к(у)/-ость/-ина*: *неудоба/неудобие (неудобье)/неудобина/неудобица/неудобки/неудобность* (←*неудобный* – ‘плохой, трудный’) – ‘неудобная, непригодная для обработки и посева неплодородная земля’: *Неудобие, где не сеют, там пасут. Неудобица – пашни, которые неудобно пахать было. Неудобки, там ни скот не пасут, не сеют. Там ничего не родит. Неудобность считалась неудобная земля; необрядность/необрядство* (←*необрядный* – ‘неопрятный, неряшливый, нечистоплотный’) – ‘грязь, неопрятность’: *Тут у меня необрядность; Необрядство како* (Бурят. АССР) и др.

¹ Картоотека Словаря русских народных говоров [6], хранится в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

В этой разновидности в значительном количестве представлены случаи синонимии слов на *-нье* и имен нулевой суффиксации типа *ласка/ласканье* (←*ласкать*) – ‘ласка, милость’: *Ласканье все любят* (Ворон.); *А иде побрани, иде ласку дай* (Калуж.). Обычно эти образования обладают общим процессуальным значением, ср.: *знобение/зноб/знобы/знобота* (←*знобить* – ‘мерзнуть, замерзать, зябнуть’) – ‘чувство холода, стужи; озноб’: *По телу пошел зноб; Знобение начинается* (Смол.); *Знобота у меня всю ночь была* (Иван.); *Знобы берет; зачуранье/зачур* (←*зачурать* – ‘произнести «чур»’) – ‘произнесение «чур» или другого слова, чтобы обезопасить себя, по суеверным представлениям, от колдовства, нечистой силы’ (Пск.); *звяганье/звяга* (←*звягать* – ‘просить назойливо, надоедливо; выпрашивать заунывным голосом, клянчить’) – ‘надоедливое обращение с просьбами, беспрестанное напоминание о чем-либо’ (Пск., Олон.); *здеканье/здеки* (←*здекаться* – ‘издеваться, насмехаться, задираться’) – ‘издевательство’: *Так это здеканье и все над человеком полное. Здеки* (Зап.). Процессуальное значение может граничить с результативным: *звание (званье)/зов* (←*звать* – ‘приглашать’) – ‘зов, приглашение’: *На эдако званье с чего и пойду в гости* (Олон.); *Да этака-то и безо зву придет* (Тобол.); *здвиженье/здвиги* – ‘Воздвижение (церковный праздник)’: *Приходи в здвиги в гости к нам. Здвиженья не дожидайся, а с покосом убирайся.*

Другой тип суффиксальной синонимии, распространенной в диалектном словопроизводстве, – синонимия, возникшая как результат сближения производного и производящего слов. Данный тип отношений характерен для имен на *-ство/-ствие*: *довольство/довольствие* – ‘удовольствие; о большом количестве, избытке чего-либо’: *Водой-то довольствие у нас* (Омск.); *Со всем довольством* (Яросл.); *сродствие/сродство* – ‘родство; собир. ‘родня, родственники; близость по общности происхождения, сходство, основанное на этой близости (о животных, растениях, грибах)’: *Три поколения считается сродствие, а четверто выходит из сродствия. Сродство, родова – это все родственники, сколько есть* (Краснояр.); *Белянка – это не груздь, а сродствие в их какое-то есть* (Брян., Свердл.); *неудовольствие/неудовольство* – ‘недовольство’; *детствие/детство* – ‘детский возраст’ и др.

При сближении производящего и производного слов показателем синонимических отношений в ряде случаев является нулевой аффикс в производящем слове [3, с. 166]. Обилие синонимических пар *-ка/-ø* объясняется тем, что в истории языка внутрисуффиксальная словообразовательная синонимия формировалась на базе народно-разговорных и нейтральных словообразовательных типов, таких, как *-ька/-ø*. В говорах подобные синонимы связаны в основном с приставочными производящими глаголами и имеют значение действия или его результата, ср.: *засев/засевка* – ‘начало сева’ (←*засевать* – ‘приступать к севу’); *засыпка/засып* – ‘сон, засыпание’: (←*засыпать* – ‘уложить спать (обычно о ребенке)’); *зачёска/зачёс* – ‘прическа, при которой волосы зачесывают кверху и кзади’ (←*зачесывать, зачесать* – ‘причесывать’); *провед/проведка* – ‘проведывание’ (←*проведать* – ‘посетить, навестить’); *проведь/проведка* – ‘розыски, разведка (о поиске пчел)’. В именах нулевой суффиксации наблюдается усечение производящей основы. Синонимия *-ка/-ø* охватывает и производные с локальным значением: *засёлка/засел* – ‘селение, населенный пункт’ (←*заселять*);

застружка/заструга – ‘выемка в песке, иле на дне реки; снежная гряда, кочка; мн. – маленькие заливы’: *Она побрела (через реку) да ровно в застружку оступилася.* (←*застругать* – ‘занести’); *засыпка/засыпь* – ‘мель’ (Твер., Пск.); *-лка/-о: затыгалка/затыга* – ‘место на реке, куда выносит сплавляемый лес; воронка в реке’: *Как тебя в затыгалку-то запихало ветром.* (Арх.) (←*затыгать* – ‘заволакивать, затыгивать’); *посев/посевка* – ‘полоса земли, которую засеивает сеяльщик за один проход’.

М.Ф. Моисеенко указывает: «Однако если прилагольным существительным с нулевым суффиксом свойственна способность легко переходить в разряд конкретных имен, то именам с суффиксом *-ка*, имеющим главным образом семантику действия или процесса, эта способность присуща в меньшей степени» [1, с. 240]. Возможно, это справедливо по отношению к одной группе говоров. В целостной же системе диалектного языка синонимия с конкретно-предметным значением представлена широко: *застружка/заструга* – ‘заостренный строганием конец бруска, палки’; *заступка/заступ* – ‘заступ, железная лопата’; *зацопка/зацеп (зацоп)* – 1) ‘корень или коряга в реке, за которые может цепляться невод или удочка’ (Влад.); 2) ‘острие на конце удочки для того, чтобы рыба не могла сорваться’ (Чудск., Пск., Ладожск. озера) (←*зацепать* – ‘зацеплять, задевать за что-либо’); *пролубка/пролуб/пролубь* – ‘небольшая прорубь’¹ (←*пролубать* – ‘прорубать (проруби)’); *пролыб/пролыбы/пролыба/пролыбка* – ‘прорубь’; *вывод/выводка* – ‘выкуп за невесту, уплачиваемый женихом’; *выводка/вывод* – ‘выводок птиц’.

Синонимический ряд может расширяться за счет производных как с книжными, так и общенародными или собственно диалектными суффиксами. Такие синонимы не имеют стилевой окраски, являясь при этом весьма экспрессивными. Это важное отличие от литературно-языковой синонимии. Ср.: с локальным значением: *-ка/-о/-нье(-ние)*: *засенка/засена/засень/засенье* – ‘место, заслоненное от солнца; тень’: *Пойдем в засенку, посидим, дюже жарко.* (Зап.) (←*засенить, засенять* – ‘загораживать, заслонять свет’²). С акциональным значением: *переживание (переживанье)/пережив/переживка* – ‘жизнь, существование в трудное время’ (←*переживать, пережить* – ‘терпеть нужду, лишения, переносить трудности; бедствовать’); *-о/-ево/-ьба/-ьва/-је(о)/-мины/-юшка/-яловка/-янка/-нье/-яньце*: *гул/гуля/гуль/гулево/гульба/гульва/гульмины/гулюшка/гуляловка/гулянка/гулянье/гуляньце* – ‘гулянье, праздное времяпрепровождение’ (←*гулять* – ‘праздно проводить время’). Существительное *гульба* в свою очередь становится доминантой синонимического ряда производных с общенародными и диалектными редуцированными формантами, обладающими повышенной экспрессией: *-ьба/-ина/-ица/-ёнушка/-ищечко/-ищице*: *гульба/гульбина/гульбица/гульбёнушка/гульбищечко/гульбищице* – ‘гулянье, свободное беззаботное времяпрепровождение (в детстве и юности)’: *Осталася одна, миновалася гульба девушкина* (Арх.); *Деревенская молодежь находит отдых в «гульбинах»* (Нижегор.). *Гульбица такая пошла с радости.* (Смол.); *Во гульбенушке*

¹ Если не указаны лингвогеографические данные, значит, синонимы распространены без территориальных ограничений (в северо-, южно- и западнорусских говорах).

² В данном случае предполагаем близость к конфикальному образованию с производящим словом *сень*. Соотнесенность приводится по данным СРНГ.

был я, во гульбе (Вят.); *Как пойдут его любимы поровесники по гульбищечкам – по прокладбищам* (Север.). С конкретно-предметным значением: **-ø/-ка/-ень**: *засовка/засова/засовень* – ‘задвижка, засов’ *Засунь засовку-ту! Двери запирали на ночь засовкой* (←*засовать* – ‘задвинуть’). Распространены синонимы на **-ка/-ø** и при выражении агентивного значения, ср.: *ротозя/ротозька* – ‘ротозей’, *буклайка/буклай* – ‘насмешливое обозначение толстого человека или животного’, *слюняйка/слюняй* – ‘слюняй, тот, у кого изо рта постоянно текут слюни’ и др. Сопоставляя функционирование словообразовательных типов с нулевым суффиксом и суффиксом **-к(а)** в истории литературного языка и в диалектном словопроизводстве, следует указать на их высокую продуктивность в говорах, причем не только в выражении акционального, абстрактного и предметного, но и агентивного значения. В литературном же языке выражению значения *potina agentis* служат другие словообразовательные средства (**-ник**, **-щик**, **-тель** и др.).

Активное вовлечение в построение синонимических рядов имен нулевой суффиксации – тенденция, свойственная словообразовательным процессам общенародного языка. Их семантические особенности и взаимодействие с именами на **-ость**, **-ство**, **-ние** и др. подтверждают справедливость тезиса В.М. Маркова о том, что «образования нулевой суффиксации дают множество примеров суффиксальной синонимии в параллелях с именами на **-ка**, **-ние**, **-ство** и т. д. Одним из следствий взаимодействия <...> явилась в современном русском языке специализация их ранних значений, все большее закрепление образований нулевой суффиксации в роли названий конкретных предметов» [4, с. 103] не только по отношению к фактам литературного языка, но и к диалектному материалу (например, **-ø/-ость**: *прискорбность/прискорбь* – ‘огорчение, печаль’ (←*прискорбный* – ‘обидный, огорчительный’): *Оскорбил человека вот и прискорбность ему сделал* (Моск.); *И она никакой прискорби тут не имеет, что она, на вас год будет сердиться?* (Арх.)). Синонимические ряды с конкретно-предметным или акциональным значением: **-ø/-ка/-ина**: *переклад/перекладина/перекладь/перекладка* – ‘балка, на которую опирается потолок или пол в избе’ (←*перекласть*), **-ø/-ок/-ень**: *вывод/выводок/выводень* – ‘неоперившийся птенец’ (Пск., Твер.) (←*выводиться* – ‘воспитать, вырастить’); **-ø/-ина**: *запорина/запора* – ‘жердь, перекладина, которой запирают ворота’: *Вот скотину закрывают запориной*. (Свердл.); *Запор у двери*. (Ряз.) (←*запирать*); **-ø/-оха**: *завива/завивоха* – ‘вьюга, метель’ (←*завивать* – ‘мести (о метели, непогоде)’); **-ø/-ник**: *подскал/подскальник* – ‘настил крыши, на который стелятся солома, шифер и т. п.’ (←*подскалить* – ‘настелить’); **-ø/-ины/-ка**: *запой/запоины/запойка* – ‘часть свадебного обряда — пирушка после сватовства’: *Запой? Это раньше было, приезжали договаривались, кода свадьба будет. После запоин невеста отсылает кашук (кисет) или перчатки жениху* (←*запойть* – ‘утолить (жажду)¹’) и др.

Отмечена синонимия имен нулевой суффиксации и производных с собственно диалектными суффиксами: **-ø/-ушк(а)**: *победа/победушка* – ‘беда, несчастье’: *Странник говорил, что на весь уезд победа будет, либо голод, либо мор; Доведут нас до беды. До победушки такой До славушки до худой*. (←*победить* –

¹ Такая соотношенность определена словарем (ср. в литературном языке: *запой* – конфиксальное производное от *пить*).

‘причинить, наносить кому-л. зло, обиду’); **-о/-аха**: *разви́л/разви́ла/разви́лы/разви́лаха* – ‘два дерева на одном корне, раздвоенный ствол дерева, развилина, место разветвления на дереве’: *Дерево на одном стволе, а потом на два расходится, потому и развила* (Новосиб.); *Развилаха – где ветки расходятся, развилаха и внизу была* (Амур., Яросл.); *Он ухитрился посадить Венюку и Васюку в разви́лы старого осокоря* (Урал) (←*разви́лить* – ‘придать чему-л. форму развилины, разделяя надвое’).

Образования нулевой суффиксации в говорах дают множество случаев родового параллелизма: *пересказ/пересказа* – ‘сплетни, наговоры’; *облив/облива* – ‘в гончарном ремесле — полива муравленной посуды и т. п.’; *ошкур/ошкура* – ‘пояс на штанах с продернутым шнурком (гасником) для их подвязывания’; *опехтерь/опехтерья* – ‘полный, здоровый ребенок’ (ср. также случаи *вред/вреда*, *запруд/запруда*, *затир/затира*, *обряд/обрядя*, *ожог/ожыга*, *прогал/прогала*, *просек/просека*, *протег/протега*, *пук/пука*, *след/следа*, *ужин/ужина* (см. [5] и мн. др.)). Наличие синонимов подобного рода является также важным отличием от системы литературного языка, в котором случаи родового параллелизма немногочисленны, тогда как в истории языка этот процесс был представлен последовательно и широко.

Третий вид выявленной синонимии основан на сближении («синонимическом притягивании») ранее не синонимичных словообразовательных типов – наиболее распространенный способ формирования словообразовательной синонимии на протяжении всей истории русского языка. В говорах широко представлена суффиксальная синонимия, возникшая в результате сближения в процессе развития глагольно-именных и субстантивно-адъективных словообразовательных отношений исконно не синонимичных словообразовательных типов, среди них – **-ение/-ство** (*глаголение/глагольство* – ‘речь, слово’; *кушанье/кушанье* – ‘еда, кушанье’ – процессуальное или объектное значение), **-тель/-ник/-о/-ень** (*заростель/заростельник/зарост/зарость/заростень* – ‘заросль’ – локальное значение); **-ние/-ость** (*гибень/гиблость* – ‘гибельность’; *владость/владение* – ‘сила’ – абстрактное значение). Исторически имена на *-(е)ние* соотносятся в русском языке с глаголами, имена на *-ость* – с прилагательными, поэтому сближение между ними может происходить или за счет «оглаголивания» имен на *-ость*, или за счет «адъективации» имен на *-(е)ние* (см. [2]). В данном случае, исходя из контекстуальной семантики, следует говорить о тенденции к «оглаголиванью», ср.: *Что в гибень, то в веденье; полная гиблость* (см. [6]). Процесс этот активизировался с XVIII века, отмечается и в современном литературном языке, и в диалектах. Выявленная синонимия может служить предпосылкой семантической интеграции (образования с синоморфемами *-ость/-ство*, *-ение/-ство*) и семантической дифференциации абстрактное – конкретное (и одновременно – усиления глагольности, значения действия), как *-ость/-ство*.

Кроме отражения основных исторически устойчивых типов словообразовательной синонимии следует отметить и собственно диалектные тенденции, реализуемые под несомненным влиянием литературного языка, но уже на диалектном материале. Встречаются синонимы среди наименований предметов обихода, орудий труда: **-о/-лка/-аушка/-ушка/-ало**: *побег/побегалка/побегашка/побегаушка/побегало* – ‘деревянное или металлическое кольцо у бороны, к которому

прикрепляется оглобля' (← *побегать* – 'двигаться, выбегать куда-л., откуда-л.; бежать'); **-(а)лка/-(а)ло**: *побегалка/побегало* – 'изогнутый кольцом или полукольцом сучок дерева, через который продета веревка для увязки сена на возу'; **-ыш/-ина/-ок**: *придельш/приделина/приделок* – 'жилая пристройка к дому' (← *приделать* – 'пристроить'); **-енки/-ки**: *посевенки/посевки* – 'отходы от посева зерна' (Забайкалье, 1980, Иркут.) и др.

Диалектное словопроизводство иллюстрирует богатую картину выражения агентивного значения: используются словообразовательные модели с общенародными суффиксами *-ец, -ник, -щик*, нулевым суффиксом, книжным суффиксом *-тель*, собственно диалектными формантами *-ун, -иха, -уш, -ыш, -уга, -ига, -уха/-юха, -яха/-оха, -ач, -ень, -юг, -ня* и др. (более 40 словообразовательных типов). Для них также характерна синонимия. При выражении модификационного значения «женскости»: **-аха/-ашка/-уха/-ушка**: *повиваха/повивашка/повивуха/повивушка* – 'повитуха' (← *повиваться* – 'помогать роженице принимать ребенка при родах'); **-щица/-нья/-аха/-ушка/-чая**: *запевальщица/запеванья/запеваха/запевуха/запевчая* – 'женщина-запевала': *Девка голосистая, запекает всегда, и зовем ее запеванья* (Моск.); *Анна Егоровна-то, она запеваха была первая* (Том.); *Она запевуха* (Моск.); *Пойте, девушки, запевушки, А нам не до того* (Вят.); *Сначала? Ведь я запевчая* (Нижегор.). Субстантивы общего рода: **-оха/-уха**: *завивоха/завивуха* – 'лихой, разбитной человек; егоза, непоседа': *На девишник пришла такая завивоха – всех со смеху уморила.* (Влад.); *Завивуха она, бегаёт, бегаёт* (Свердл.); **-уха/-ушка**: *побегуха/побегушка* – 'шатун, праздный гуляка' (Твер., Ворон.); **-ило/-юга**: *звонило/звонюга* – 'сплетник, сплетница': *Известно — звонило! Сейчас все разнесет не хуже больничной хлопущи* (сплетницы).

Среди агентивных производных количественно преобладают синонимичные наименования лиц мужского пола. Примечательно, что они могут быть образованы при помощи общерусских суффиксов от литературных основ, но отсутствовать в литературном языке (как *обливаник/обливанец* – 'ребенок, крещенный не погружением в воду (как принято в православии), а обливанием' (← *обливание*)). При многообразии суффиксальных способов выражения агентивного значения особенно выделяются синонимы, образованные при помощи собственно диалектных формантов от собственно диалектных или общерусских основ: **-ей/-еря/-ерь/-уй/-юй/-юк/-юра/-яй/-о**: *опехтей/опехтерь/опехтерья/опехтуй/опехтюй/опехтюк/опехтюря/опехтя/опехтяй* – 1) 'неуклюжий, неповоротливый человек, увалень; полный, здоровый ребенок', 2) 'обжора': *Опехтей толстый такой.* (Сиб., Арх.); *Опехтюй он такой и есть, шевелится – не шевелится* (Перм.); *Того опехтюрю-то скоро не накормишь* (Кемер.); *Какой ты опехтя, не можешь управиться с делом* (Арх.); *Скудненька бабенка, а ишь какого опехтя родила.* (← *опехтать* – 'жадно есть'). Ср. также: **-ня/-мень**: *глушня/глухмень* – м. и ж. 'глухой'; **-аха/-ашка**: *растармаха/растармашка* – м. и ж. 'неаккуратно одетый человек; неуклюжий человек или животное'; **-о/-уша**: *рыскуша/рыска* – 'та, кто бегаёт без дела'; **-алья/-аха**: *ткаля/ткаха* – 'та, что ткала на стане' и под. Все они экспрессивны, подчеркивают какие-то особые качества человека, как правило, отрицательно порядка.

Вызывает интерес синонимия производных на *-тель* и *-щик*, поскольку в истории языка эти форманты традиционно противопоставлялись по стилевой принадлежности: *-тель* – книжный, *-щик* – разговорный. Подобная синонимия выявляется как при сопоставлении с литературным материалом (ср.: *кваситель* (СРНГ)/*квасовицик* (Даль) – ‘тот, кто выделяет овчину’; *нюхатель/нюхальщик* – ‘тот, кто нюхает табак’; *добродетель* (СРНГ)/*добродейка/добродей* (Даль) – ‘благодетель’), так и в процессе собственно диалектного словопроизводства. Представляется, что если носители диалектной речи производят отбор средств для выражения одного и того же словообразовательного и лексического значения, то это говорит об освоенности словообразовательного инструментария. Ср.: *-тель/-щик(-льщик)*: *кваситель/квасильщик* – ‘рабочий по выделке (квашению) овчин’ (←*квасить* – ‘дубить кожи’), *копнитель/копнельщик* – ‘человек, который складывает сено в копны’ (←*копнить* – ‘сгребать в копны’); *продаватель/продавальщик/продавицик* – ‘продавец’ (Сев-Зап.); *помогатель/помогальщик* – ‘помощник’; *заниматель/занимальщик* – ‘парень, ухаживающий за девушкой’ (←*заниматься* – ‘иметь знакомство, водиться с кем-л., ухаживать за кем-л.’); *робитель/робильщик* – ‘работник, труженик’ (Арх.) (←*робить* – ‘трудиться; выполнять тяжелую физическую работу (о крестьянской работе)’).

Активно вступает суффикс *-щик* в синонимические отношения с другими народно-разговорными формантами: *-щик/-ш*: *обайщик/обай* – ‘говорун, болтун, обманщик’ (←*обаить* – ‘с помощью лести, хитрости уговаривать или обманывать’); *каюрицик/каюр/каюра* – ‘погонщик собак на севере’ (←*каюрить* – ‘управлять собаками, запряженными в сани’); *-щик/-ец державицик/державец* – ‘казак, выбранный станицей для наблюдения за порядком на багренье’: *Каждый поселок выбирает своего державицика. Безо времени никто не мог выйти на Урал, на что были державцы, которы держали время. По распоряжению державцев массы людей спускались на лед* (во время багренья) (Урал) (←*державный* – ‘предводитель’); *постоялец/постояльщик* и семантический дериват *постоялый* – ‘хозяин постоянного двора’ (Новосиб.); *-льщик/-еницик/-ач*: *плавельщик/плавеницик/плавач* – ‘сплавщик, плотовод; рыбак – участник рыболовного промысла плавучими сетями (на лодках)’ (←*плавить* – ‘отправлять вплавь, сплавлять; ловить рыбу плавучими сетями (на лодках)’). Если словообразовательные синонимы с формантами *-щик/-ш*, *-щик/-ец* и т. п. не вызывают особых стилистических комментариев, то синонимия *-тель/-щик* в говорах, на наш взгляд, иллюстрирует не только ход общего процесса демократизации языка, что вполне укладывается в рамки общенациональной языковой эволюции, но и подчеркивает освоенность данных формантов диалектным словопроизводством. Если названные суффиксы способны сочетаться с собственно диалектными основами, не несут семантико-стилистических различий, значит, диалектоносители воспринимают их как явление вполне органичное, удобное для обозначения действующих лиц, без стремления к высокой книжности, стилизации под «ученую» речь или сниженности, в результате чего в говорах мы наблюдаем живой процесс нейтрализации. Возникающая синонимия имен на *-тель/-щик* представляется свидетельством стирания стилистических ограничений: эти существительные в семантико-стилистическом плане как бы «двигаются» навстречу друг другу. Исторический материал (и диалектный в частности) показывает,

что постепенно суффикс *-тель*, подобно славяно-книжным суффиксам *-ость*, *-ств(о)*, *-стви(е)*, *-ни(е)*, *-изн(а)*, теряет свою книжность, стремясь к нейтральному стилю. Наблюдается встречный процесс: разговорные суффиксы (в том числе *-щик*), утрачивая разговорность, становятся стилистически нейтральными.

Доказательством того может служить и синонимия с участием «книжного» суффикса *-тель* и собственно диалектных или других народно-разговорных формантов. Например, *-тель/-ашка/-оха*: *собиратель/собирашка/собиороха*: – ‘нищий’: *Много собирателей в то время ходило, в войну-то первую-ту* (Перм.); *Собирашки раньше были, под церковей стояли, милостыньку просили*. (←*собираться* – ‘жить милостыней, побираться’); *-тель/-ень*: *закупатель/закупень* – ‘скупщик’ (←*закупать* – ‘покупать что-либо’). Еще ярче становится экспрессивная окраска синонимии с суффиксом *-тель* и редуцированными диалектными формантами *-льщик*, *-ничек*, обусловленной приемами организации текста: *постоятель/постояльщик* – ‘тот, кто стоит рядом, находится вместе с кем-л.’: *И тут не стало с Сокольниковым постоятелей; А просит Шкурлак у нас поединничка, Ище просит Шкурлак у нас постояльничка* (Арх.) (←*постояться* – ‘постоять с кем-л. рядом’); *запеватель/запевальничек* – ‘запевала’: *Эх, у нас запеватель* (Том.); *Наши дары невеликие. Починальничку горькая доля – Полик горелки, пирог на тарелке, Запевальничкам – по яичку* (песня) (Смол.) (←*запевать* – ‘петь во весь голос’). Выделяется синонимический ряд с участием не только стилистически противопоставленных суффиксов *-тель/-ник*, но и заимствованного форманта *-тор*: *проводатель/проводальщик/проводатор* – ‘проводник, человек, сопровождающий кого-л.’: *Хлеб наложат и пошлют без проводателя. По девятому в проводальники, По десятому в повозчики. Тебе не надо проводаторов* (←*проводать* – ‘проводать, сопровождать’).

Синонимия *-ть/-тель* среди производных от собственно диалектных основ встречается как при выражении агентивного (*кумышковар/кумышковаритель* – ‘самогонщик’ (Прикам., Вят.) (←*варить* кумышку (*самогон*)), так и орудийного значения (*опрокидатель/опрокид* – ‘механизм для опрокидывания вагонетки (при ее разгрузке)’ (Урал., Дон.) (←*опрокидать* – ‘опрокидывать’)).

В диалектном словопроизводстве в синонимические отношения вступают производные с аффиксами, исторически имеющие разную стилевую принадлежность (книжный/народно-разговорный) при выражении всех основных словообразовательных значений. С локальным значением: *-j(e)/-к(и)*: *развьелье/развилки* – ‘место разветвления дороги, развилка’: *Развьелье — это дороги в разные стороны пойдут* (←*развилить* – ‘придать чему-л. форму развилины, разделяя что-л. надвое). С конкретно-предметным значением: *-изн(а)/-ин(а)*: *груби’зна/грубина* – ‘толщина материи’: *Якая грубизна. Погляди, якая грубина в холсту* (Смол.) (←*грубый* – ‘грубый, толстый’); *-ость/-к(а)/-ть/-ник*: *окрайность/окрай/окрайка/окрайник* – ‘окраина (города, деревни и т. д.)’: *Ты не лезь по льну-то, иди по крайке; Крайник у поля, у леса, у сада есть*. С абстрактным значением: *-ость/-от(а)*: *душность/душнота* – ‘духота’: (←*душный*, *душной* – ‘дающий много тепла, жару’); *спорость/спорота* – ‘успешность, прибыльность, продуктивность какого-л. дела, работы’: *У опытного хозяина во всем спорость видна, во всяком малом деле*. (←*спорый* – ‘быстрый, скорый;

быстро совершаемый'); *лихость/лихота* – 'злость, злоба, ненависть': *Даже мне лихота, не было бы его, зрить не могу* (Ворон.); *Он век лихость продумает – припомнит зло.* (←*лихой* – 'злой'). Характерной чертой подобных синонимов является также усечение основы производящего слова: *срамость/срамота* – *неодобр.* 'стыд, позор, срам': *Счас что ни девка, то голондайка, ох, и срамость* (Новосиб.) (←*срамной, срамный* – 'позорный, бесчестящий кого-либо'); *-ость/-иц(а)*: *неполадность/неполадица* – 'непорядок, неисправность, расстройство (в работе)' (←*неполадный*); *неоколёсность/неоколесица* – 'сказанное нечаянно, невпопад': *Городит каку-то неоколёсность. Ни к селу, ни к городу говорит если* (Арх.); *И несешь же ты экую неоколесицу!* (Вят., Костром.) (←*неоколёсный* – 'сказанный нечаянно, случайно, невпопад, не к месту (о словах, выражениях)').

Еще более примечательна синонимия имен, образованных при помощи книжных суффиксов на диалектном материале: *-ость/-ств(о)/-о*: *облыжность/облыжство/облыжь* – 'клевета, ложный наговор, напраслина' (←*облыжный* – 'лживый, коварный, которому нельзя доверять'); конфиксальные структуры с книжными постпозитивными элементами: *бездурость/бездурье* – 'блажь, дурь'; *бесследствие/бесследье* – 'безрезультатность, даром потраченные усилия для достижения чего-либо' (Пск.).

В диалектах отмечена также синонимия производных с общенародными аффиксами, но, в отличие от литературного языка, без дополнительной стилистической или эмоционально-экспрессивной окраски, как в случаях *-к(а)/-ище*: *затопка/затопище* – 'количество дров, сжигаемое в печи за один раз; разовая топка печи; растопка (щепа, лучина, береста)' (←*затопить, затоплять* – 'зажигать'); *-лк(а)/-(а)л(о)*: *затягалка/затягало* – 'запевала' (Урал.) (←*затягать* – 'запевать, затягивать песню'); *-ин(а)/-инк(а)/-о*: *захабинка/захабина/захабы* – 'небольшое углубление в стене или печке' (Олон.); *-к(а)/-ин(а)*: *звездка (звёздка)/звездина* – 'звездочка на лбу животного' (Зап., Перм.).

При рассмотрении названных типов синонимии в сопоставлении с данными литературного языка обнаруживаются многочисленные случаи мены формантов. Ср.: диал. *оплошка* – лит. *оплошность*, диал. *устаток* – лит. *усталость*, диал. *убой* – лит. *убийство*, диал. *бель* – лит. *белизна*, диал. *боль* – лит. *болезнь*, диал. *окопка* – лит. *окапывание*, диал. *гул* – лит. *гуляние*, диал. *отмой* – лит. *отмывание*, диал. *потреб* – лит. *(у)потребление* и мн. др. Подобные примеры свидетельствуют о высокой активности нулевой суффиксации и форманта *-ка* в диалектном словопроизводстве. Одновременно это и показатель того, что для выражения абстрактного и акционального значений диалектоносители выбирают общенародные, хорошо освоенные модели. Однако мы не склонны абсолютизировать эту тенденцию и приводить ее в качестве аргумента в пользу церковнославянской природы формантов *-(е)ние, -тие, -ость, -ство, -ствие, -изна*¹, так как диалектный материал, помимо указанных замещений, демонстрирует другие, более любопытные случаи, когда на месте производного с общенародным формантом в литературном языке в говорах мы имеем субстантив

¹ Именно такую аргументацию приводит, полемизируя с позицией Л.Н. Булатовой (см. [7]), М.Ф. Моисеенко (см. [1]).

со «славяно-книжным» суффиксом, ср.: диал. *чернизна* – лит. *чернота*, диал. *злбость* – лит. *злба*, диал. *срамость* – лит. *срам*, диал. *правность* – лит. *правота*, диал. *гневность* – лит. *гнев*, диал. *тайность* – лит. *тайна*, диал. *больность* – лит. *боль*, диал. *полность* – лит. *полнота*, диал. *обманность*, *обманство* – лит. *обман*, диал. *охранность* – лит. *охрана*, *охранение*, диал. *длинность* – лит. *длина*, диал. *дуиность* – лит. *духота*, диал. *вредительность* – лит. *вред*, диал. *быстрость* – лит. *быстрота*, диал. *ответствие* – лит. *ответ*. Полагаем, что подобные примеры свидетельствуют в пользу освоенности так называемых «славяно-книжных» суффиксов в диалектном словопроизводстве и сознательного использования их носителями говоров: редуцированные форманты усиливают абстрактную семантику производных, придавая тем самым им особую экспрессию.

Встречаются также случаи мены «славяно-книжных» формантов: диал. *яризна* – лит. *ярость*, диал. *знакомость* – лит. *знакомство*, диал. *удобность* – лит. *удобство*, диал. *неудобность* – лит. *неудобство*, диал. *прискорбность* – лит. *прискорбие*, диал. *пространность* – лит. *пространство*, диал. *понижённость* – лит. *понижение*, диал. *озорность* – лит. *озорство*, диал. *девичность* – лит. *девичество*, диал. *обличность* – лит. *обличие*, диал. *нахальность* – лит. *нахальство*, диал. *дородствие* – лит. *дородность*, диал. *средствие* – лит. *средство*, диал. *лекарствие* – лит. *лекарство*, диал. *беспокойствие* – лит. *беспокойство*, диал. *хозяйствие* – лит. *хозяйство*, диал. *государствие* – лит. *государство*, диал. *любопытствие* – лит. *любопытство*, диал. *чувствие* – лит. *чувство*, диал. *насильствие* – лит. *насилие*, диал. *сиротствие* – лит. *сиротство*, диал. *убранствие* – лит. *убранство*. Факты подобного рода можно расценивать как еще одно доказательство органичности формантов в диалектном словопроизводстве и отражение языковой картины мира диалектоносителя, сознательно употребляющего в стремлении сделать свою речь более ученой, грамотной указанные производные в разговоре с городскими жителями, врачами, учителями и др.

В результате проведенного исследования мы можем говорить о том, что анализируемые субстантивы в диалектах склонны к возникновению суффиксальной словообразовательной синонимии, используя при этом как народно-разговорные, так и книжные форманты. Выявленная синонимия, несомненно, обогащает способы и формы выражения основных словообразовательных значений *nomina actionis*, *nomina abstracta* и *nomina agentis*, а также конкретно-предметных номинаций. Способность образовывать суффиксальные дериваты как от собственно диалектных, так и общерусских основ указывает на освоенность диалектоносителями словообразовательного инструментария, органичность формантов в сфере диалектного словопроизводства. Синонимические ряды в говорах зачастую оказываются богаче, чем в литературном языке, ввиду незамкнутости деривационных контактов диалектных субстантивов, нейтрализации словообразовательных средств, имевших стилистическую маркированность, и более сильного, чем в литературном языке, стремления к выражению экспрессивности. Пополнение синонимических рядов можно объяснить взаимодействием литературного языка и говоров, реализуемым в языковом контактировании (диалектно-литературном двуязычии), при котором сосуществуют и диалектное, и литературное наименования одного и того же предмета, явления

и употребление этих слов зависит от речевой ситуации. В отдельных случаях мы, вероятно, имеем дело с консервацией в диалектах архаичных языковых форм и реализацией древних тенденций, которые в литературном языке либо уже завершились, либо, напротив, недореализовались. Таким образом, диалектный материал позволяет создать более достоверную картину как в отношении функционирования суффиксальных субстантивов, так и в вопросах генезиса формантов с учетом стилистических и семантических особенностей дериватов.

Summary

T.N. Popova. Word-Formative Synonymy in Russian Dialectal Word-Formation.

The article considers paradigmatic relations of suffix substantives in Russian dialectal word-formation, namely synonymy of suffixes. The analysis of suffix-synonymous parallels is developed with regard to tendencies of historical word-formation, stylistic and semantic descriptions of derivatives. Realization of basic word-formative meanings (*nomina actions, nomina agentis, nomina abstracta*) is traced as well. Synonymous parallels are analyzed in comparison with literary language facts. This allows revealing definite regularities of derivational and stylistic devices which can be useful in solving the problem of so-called “slavonic-bookish” suffixes’ genesis.

Key words: word-formation synonymy of suffixes, dialectal word-formation, word-formative meaning, functional-stylistic description of derivatives.

Литература

1. *Моисеенко М.Ф.* Существительные с нулевым суффиксом и суффиксом -ка в русских говорах Казанского Поволжья // Тез. докл. на 9 диалектолог. совещ. 15–18 мая 1963 г. – М., 1963. – С. 207–242.
2. *Николаев Г.А.* Очерки по историческому словообразованию русского языка. – Frankfurt am Main: Beiträge zur Slavistik, 1994. – 252 с.
3. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 182 с.
4. *Марков В.М.* Явления нулевой суффиксации в русском языке // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 102–103.
5. *Моисеенко М.Ф.* Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 158 с.
6. Словарь русских народных говоров. – М.-Л. (СПб.): Наука, 1965–2006. – Вып. 1–40.
7. *Булатова Л.Н.* Отглагольные существительные на -нье, -тье в русских говорах // Тр. Ин-та языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. VII. – С. 291–367.

Поступила в редакцию
29.05.08

Попова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии филиала Казанского государственного университета в г. Набережные Челны.
E-mail: Tatiana193@mail.ru